
ЛЮДИ. ГОДЫ. ЖИЗНЬ

К 210-летию Герценовского университета

С. Б. Смирнов,
проректор по учебной и воспитательной работе

**МЫ И НАША ПАМЯТЬ:
ДИССИДЕНТСТВО, НЕОФИЦИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ЛЕНИНГРАДА
И ЛГПИ имени А. И. ГЕРЦЕНА**

Десять лет назад подготовка к празднованию двухсотлетия университета пробудила интерес к его уникальной истории. Появились публикации, которые позволили восстановить органическую связь между историей Императорского Воспитательного дома и историей высшего педагогического образования в Петрограде — Ленинграде в советский период, завершившейся преобразованием Ленинградского государственного педагогического института в Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. В последовавшее десятилетие внимание герценовского сообщества к собственной истории только усиливалось, и сегодня мы имеем ряд уникальных изданий¹, которые позволяют узнать имена и основные вехи биографии многих, в том числе выдающихся, ученых, работавших в университете. Познакомиться с подробностями научно-педагогической деятельности и личной жизни некоторых из них можно в книгах замечательной, на мой взгляд, серии «Золотые имена». К сегодняшнему дню в этой серии вышли издания, посвященные А. Д. Боборыкину², Я. С. Билинкису³, Н. П. Гринковой и В. И. Чагишевой⁴, М. А. Канееву⁵, Е. И. Афанасенко⁶, Ю. В. Кожухову⁷. Нет никаких сомнений, что эта работа будет продолжена, и с каждым годом, с каждым десятилетием мы будем все лучше узнавать историю развития науки в нашем университете. Гораздо больше, чем раньше, узнали мы за последние годы и о выпускниках РГПУ, особенно о тех, кто оставил заметный след в истории нашей страны, в истории ее науки и культуры. Но сегодня, когда мы стоим на пороге празднования 210-й годовщины создания университета, хочется поставить ряд проблем, ранее почти совсем не затрагивавшихся в публикациях по его истории, и на некоторых примерах показать те лакуны, без заполнения которых невозможно написание полнокровной истории Герценовского университета.

РГПУ им. А. И. Герцена, как и любое высшее учебное заведение, претендующее на высокое звание университета, является не только центром развития науки и образования, но и активно влияет на происходящие в стране и регионе культурные, социальные и общественные процессы. И чем существеннее это влияние, тем крупнее масштаб и значение университета как научно-образовательного центра. В истории университета проявляются, а иногда находят и концентрированное выражение те культурно-исторические процессы, которые происходят в обществе в целом. И в этом смысле, как представляется, изучение взаимоотношений между людьми, работавшими и учившимися в нашем университете, особенно если среди них обнаруживаются неординарные и талантливые личности, оказывается делом не менее важным, чем исследование истории науки в РГПУ. Да и история науки без широкого культурно-исторического контекста будет очень бедна. Но беда в том, что особенности советской эпохи в истории университета, изучение которой сегодня можно назвать ключевой проблемой для формирующейся герценовской историографии, делает эту работу чрезвычайно трудной. Для нее пока собрано очень мало источников, а существующие не анализировались с точки зрения, как сказали бы историки, «истории повседневности». Сегодняшнему поколению студентов и молодых преподавателей

все еще мало известно о научно-педагогической деятельности тех, кто определял лицо университета в ушедшую в прошлое вместе с властью коммунистической партии историческую эпоху. Еще хуже они ощущают духовную атмосферу тех десятилетий, то, как и чем жили преподаватели и студенты в те или иные периоды советского времени. Сегодня о советском прошлом нашей страны часто судят не исторично, с «высоты» современности, без учета того, в каких условиях людям тогда приходилось жить и работать. Не всегда принимаются в расчет и мировоззренческие позиции наших коллег по университету тех лет, когда он назывался ЛГПИ. А ведь большинство живших в те годы людей искренно верило в идеалы социализма (что не отменяло критического взгляда на «отдельные недостатки»). В результате университетская жизнь, например, в 50–80-е годы XX века представляется одномерной, а те, кто в эти годы работал по адресу набережная реки Мойки, 48, воспринимаются через черно-белые контрасты. И если не воссоздать тот контекст, в котором учились и учили студенты и преподаватели конкретной исторической эпохи, будь то 20-е, 30–40-е или 50–80-е годы, то очень велика опасность, что следующие поколения герценовцев будут иметь весьма упрощенные представления о прошлом. И, например, те поступки, которые оценивались современниками как проявление гражданского мужества и человеческой солидарности, могут получить из уст потомков снисходительное определение оппортунистических и малодушных — ведь они не смогут оценить степень жесткости условий, в которых приходилось жить, учиться, преподавать и заниматься наукой их предшественникам.

Подготовка тех изданий по истории университета, о которых говорилось выше, стимулировала многих наших ветеранов к написанию воспоминаний и статей мемуарного характера. Многие из этих материалов очень интересны и раскрывают ранее неизвестные или малоизвестные страницы истории РГПУ. Образы многих известных герценовцев обрели благодаря этим публикациям известную полноту и многомерность. Но все-таки этих воспоминаний написано до обидного мало. И одной из целей этой статьи является призыв ко всем, кому дорог наш университет, его история и будущее, поделиться своими воспоминаниями как о преподавателях и студентах, так и о той атмосфере, в которой они жили, о подробностях учебной, научной, общественной и культурной жизни. Сверхзадачей должно стать написание истории университета, которая была максимально полна и отвечала современным требованиям исторической науки.

Автор этой статьи, большая часть сознательной жизни которого прошла в стенах университета, помнит, сколь сложной и многообразной была жизнь его родного исторического факультета в конце 70-х и в 80-е годы. Честь и хвала руководству и преподавателям факультета социальных наук за то, что они в свое время издали интересный сборник, посвященный его истории⁸. Но и в этом издании нашла отражение лишь малая толика того, чем жил факультет, его преподаватели и студенты. А ведь эта публикация — счастливое исключение, и другие факультеты не могут похвастаться и этим. Среди кафедр университета в этом контексте нельзя не отметить кафедру педагогики, которая только что опубликовала очерки по истории кафедры⁹. Несколько иная ситуация сложилась со сбором и распространением информации о прошлом наших филологических факультетов.

Волей истории о неформальной стороне жизни факультетов русского языка и литературы, факультета иностранных языков нашего института, о том, как преследовались и карались свободомыслие и инакомыслие в его стенах, первыми широко узнали на Западе, где были изданы книги бывших преподавателей ЛГПИ Е. Эткинда¹⁰ и А. Жмаева¹¹. Имели эти книги хождение и в самиздате. Уже в постсоветское время в сборнике статей, посвященных истории ленинградского самиздата, были опубликованы две статьи о студенческом самиздате в ЛГПИ¹². Думается, на их содержании стоит остановиться подробнее.

Стенгазета «Литфронт Литфака» (№ 1, 2, весна, ноябрь 1956 года) выпускалась студентами факультета русского языка и литературы. В редколлегию входили студенты I и III курсов: А. Александров, А. Анпилогов, В. Емельяненко, М. Коносов, М. Певзнер, С. Фомичев и Р. Шабалин. «В числе фрондеров оказался и будущий поэт студент-филолог А. С. Кушнер»¹³. Вопреки тогдашним порядкам материалы газеты с парткомом и администрацией факультета не согласовывались. В первом номере газеты были помещены в основном стихи и проза студентов. Второй номер редколлегия, взволнованная ноябрьскими революционными событиями в Венгрии, решила сделать острым — устроить похороны «соцреализма». Часть номера, обведенная

черной траурной лентой, состояла из литературно-критических статей, направленных против господствующих установок официальной литературы. Газета вызвала скандал. Первый секретарь обкома КПСС Ф. Козлов появился на факультете и внимательно изучил газетные статьи. Институтская многотиражка «Советский учитель» (№ 836) высказала официальную позицию руководства вуза: «В крикливых статейках они судят и рядят о судьбах советской литературы, пытаются опровергнуть партийность литературы, опорочить метод социалистического реализма... Трудно понять, невозможно оправдать равнодушие, граничащее с беспринципностью, проявленное общественными организациями факультета». Статья, направленная против стенгазеты, появилась и в газете «Смена»¹⁴. Руководство института вынудило М. Коносова со II курса перейти на вечернее отделение, откуда он был призван в армию. С. Фомичев (в будущем ученый-пушкинист) был вынужден доучиваться в провинции. В отношении остальных авторов дело ограничилось устными проработками¹⁵. Для того времени, учитывая резонанс истории, это был достаточно благоприятный исход. Ссылаясь на Ю. М. Суздальского, ведущего и очень популярного среди студентов того времени преподавателя, А. Н. Жмаев, который сам в 50-х — начале 70-х годов был студентом, аспирантом и преподавателем филологического факультета, пишет о позиции, занятой по этому случаю выдающимся ученым-герценовцем В. А. Десницким: «Десницкого собирались выставить из института ежегодно. Причин было много, а одно из них — та, что он заступался за студентов. Как-то группа ребят на литфаке выпустила бюллетень «Литфронт», где усомнилась в каких-то положениях социалистического реализма.

— В кабинете ректора, — рассказывал Ростовцев (свои воспоминания Жмаев, видимо, считал литературным произведением и изменил фамилии некоторых героев повествования, назвав, например, Суздальского Ростовцевым. — С. С.), — устроили разгон всем работающим на факультете. Кто-то горячился: «Здесь нужны хирургические меры!» Десницкий мирно дремал, но, услышав эту фразу, проснулся и спрашивает: «Где я — в медицинском?» Всю торжественность анафемы сорвал¹⁶. Говоря о позиции руководства института и факультетов в этой и подобных ей ситуациях, которые постоянно возникали то со студентами, то с преподавателями, необходимо подчеркнуть, что оно никогда не выступало инициатором крутых репрессивных мер против своих коллег. Напротив, руководители, кто бы это ни был конкретно, всегда стремились смягчить удар, наносимый партийными, а порой и другими, более «компетентными», как тогда говорили, органами. Чего им самим стоили разносы в кабинетах начальников разного калибра, знали только они. И порой от их такта, умения маневрировать и правильно выстраивать линию защиты зависела судьба человека. Как вспоминает выдающийся филолог С. Г. Ильенко, которая была деканом факультета русского языка и литературы, разгар скандала с газетой «Литфронт Литфака» пришелся на период слияния историков и филологов в историко-филологический факультет. Деканом этого объединенного факультета стал историк Ю. В. Кожухов. Юрий Вячеславович был крупной личностью и внес заметный вклад в историю нашего университета. Сын своего времени, он оставил о себе разные воспоминания¹⁷. Но Ю. В. Кожухов относился к тем людям, которые привыкли брать ответственность на себя. И хотя в истории со стенгазетой он мог бы переложить ее на бывшего декана факультета русского языка и литературы, Юрий Вячеславович отвечал за своих студентов сам и, по-видимому, способствовал тому, чтобы их наказание было относительно мягким. Через год Ю. В. Кожухов ушел с поста декана. По собственному желанию¹⁸.

С венгерскими событиями 1956 года связана и драматическая судьба студента ЛГПИ Виктора Трофимова. Он возглавлял созданную в декабре 1953 года нелегальную политическую организацию, занимавшуюся изучением гражданских прав в СССР. Ее членов окрестили «декабристами Страны Советов». В дни венгерской революции в Ленинграде появились самиздатские листовки, начинавшиеся словами: «Граждане! Сталинизм продолжает существовать. Об этом свидетельствуют события в Польше и Венгрии, где народная свобода раздавлена под гусеницами советских танков». Вскоре после этого КГБ раскрыл эту организацию. Девять человек было арестовано (самому младшему было 19, самому старшему — 22). Ленинградский городской народный суд осудил их по печально знаменитой и тогда еще не отмененной 58-й статье, пункт 11 (антисоветская агитация). Четверым, в том числе и В. Трофимову, дали по десять лет, остальным от 3 до 6. Все они отбывали наказание в мордовских лагерях. В 1993 году президент Венгрии Арпад Генц в посольстве Венгрии в Москве вручил правительственные награды ос-

тавшимися к тому времени в живых участникам организации. Четверо из них, в том числе В. Трофимов, были удостоены одной из высших наград Венгерской республики — ордена Офицерского Креста¹⁹.

Спустя почти десять лет на вновь ставшим самостоятельным факультете русского языка и литературы случилось новое происшествие с самостоятельной студенческой печатью. Весной 1965 года группой первокурсников факультета русского языка и литературы был основан журнал «Альманах». В 1965–1966 годах вышло его семь номеров. В редакцию входили В. Сажин²⁰ (ответственный редактор), Т. Аркадьева²¹, Л. Ентина, Н. Пивень, Т. Фалева, Г. Шалита. По словам В. Сажина, «ни у кого из составлявших «Альманах» и участвовавших в нем не было ощущения подпольности этого занятия, как не было и намерения продемонстрировать свою оппозиционность существующему порядку вещей». Главной задачей журнала было стремление студентов творчески реализовать себя. Среди авторов были студенты разных курсов факультета. Публиковались стихи, литературоведческие и публицистические статьи, в том числе специально написанная для «Альманаха» статья главного режиссера Театра комедии Н. П. Акимова «Размышления о сатире», публицистическая статья «О правде, честности и двойной морали». В качестве приложения к «Альманаху» В. Сажин и Н. Шерман анонимно издавали сборники под названием «Старовер». После 7-го выпуска руководство факультета потребовало прекратить издание. В конце 1966 года издатели «Альманаха» задумали выпускать на факультете литературно-публицистическую стенгазету «Vita». Первый же номер, не провисев и двух дней, был снят по решению парткома, возмущенного некоторыми материалами (в частности, пацифистской статьёй о войне во Вьетнаме и статьёй о возрастании общественной роли интеллигенции). Партком организовал публичное обсуждение газеты, однако каких-либо жестких мер в отношении ее авторов не последовало²². Поначалу особенно бдительные члены парткома поставили перед собой цель примерно наказать авторов и редакторов газеты. Для этого было проведено комсомольское собрание, на котором присутствовали все преподаватели факультета. Как вспоминал А. Жмаев, сам принимавший участие в этом собрании, «авторы кратко повинились, и больше никто из студентов не выступил». Партийные активисты три часа «взывали к гражданскому гневу аудитории. Студенты безмолствовали... Студенты остались верны себе. За все долгое комсомольское собрание никто из них так и не произнес словечка осуждения в адрес «Виты» и ее создателей. Таким образом, вопрос об их исключении из комсомола отпал сам собой»²³. Думается, что подобного рода происшествий, которые свидетельствуют о сложности и многообразии институтской жизни того времени, в истории ЛГПИ было гораздо больше. Было бы замечательно, если бы ее свидетели поделились воспоминаниями о них с работниками музея истории университета, с читателями университетских периодических изданий.

Студенческая стенная печать, которая в советское время всегда рассматривалась как важнейшее проявление «общественно-политической активности» студентов, чаще всего превращалась в «самиздат» вопреки воле ее создателей, только после того, как в этих газетах усматривали крамолу бдительные партийные органы. Но студенты и преподаватели, выпускники и сотрудники ЛГПИ имени А. И. Герцена принимали вполне сознательное участие и в самом настоящем, литературном и политическом самиздате, а некоторые из них сегодня воспринимаются как весьма значительные фигуры в отечественной и ленинградской неофициальной культуре. Были среди них и деятели диссидентского движения, как например, поэтесса Н. Горбаневская, создательница знаменитой диссидентской «Хроники текущих событий», которая в августе 1968 года вместе с маленькой группой своих товарищей вышла на Красную площадь с протестом против ввода советских войск в Чехословакию. За свою деятельность она заплатила годами заключения в специальную психбольницу на принудительное лечение. Поэт Д. Бобышев вспоминал: «Училась она по филологии и истории литературы, но что-то не заладилось у нее в Москве — скорее всего из-за прямоты характера, она перевелась на заочный в Пединститут имени Герцена и ездила в Питер сдавать зачеты и курсовые профессору Дмитрию Евгеньевичу Максиму»²⁴. Другим примером диссидента, вышедшего из стен ЛГПИ, является М. Р. Хейфец. Он закончил историко-филологический факультет и был исключен из аспирантуры за «неортодоксальные взгляды». В 60-е годы активно публиковался, издав ряд книг и статей по истории революционного движения в России для того времени и места издания («Молодая гвардия», издательство ДОСААФ) весьма смелых и оригинальных (например, «Секретарь тайной поли-

ции (Повесть о Н. В. Клеточникове)»). Осенью 1973 года Хейфец написал статью «Иосиф Бродский и наше поколение» для пятитомного машинописного собрания сочинений И. Бродского, подготовленного В. Марамзиным. Статья, содержащая смелую критику общественно-политического строя в СССР, послужила поводом для ареста в апреле 1974 года; вменялось также распространение самиздата. Хейфец был приговорен к 4 годам лагеря и 2 годам ссылки по статье 70-й уголовного кодекса — «антисоветская агитация и пропаганда». Из лагеря он смог переправить на волю несколько книг, опубликованных на западе. В 1980 году после освобождения эмигрировал в Израиль. Хейфец и сегодня активно пишет на общественно-политические темы для многих русских изданий, в том числе и в России²⁵.

В 2003 году увидело свет замечательное издание — «Самиздат Ленинграда. 1950–1980-е. Литературная энциклопедия»²⁶. Ее авторы²⁷, обработав огромный фактический материал, в значительной части опубликованный до этого только в самиздате, создали уникальный биографический и библиографический справочник, сохраняющий для истории и литературоведения имена и основные вехи творческой биографии деятелей ленинградского литературного андеграунда. Выпускники, студенты, преподаватели и сотрудники ЛГПИ имени А. И. Герцена занимают в этой энциклопедии весьма достойное место. И знакомство с ее содержанием значительно расширяет наше представление о роли Ленинградского педагогического института в истории русской литературы последних десятилетий. Хочется привести только несколько наиболее красноречивых примеров.

Крупнейшей фигурой ленинградской неофициальной поэзии 60-х годов был Леонид Аранзон (1939–1970), который окончил ЛГПИ в 1963 году по специальности «Русский язык и литература». В течение ряда лет после окончания института он работал учителем русского языка и литературы в вечерних школах Ленинграда. Критик Михаил Берг назвал его «вторым, наравне с Бродским, поэтическим гением 60-х, который застрелился в 70-м тридцати лет отроду, так и не напечатав ни одной строчки»²⁸. В юности Аранзон испытал сильное увлечение поэзией другого герценовского выпускника — Н. Заболоцкого. Творчество и личность Аранзона оказали значительное влияние на ленинградскую неофициальную культуру 60-х годов. В постсоветское время вышло несколько сборников стихов Л. Аранзона²⁹, но, как представляется, истинный масштаб дарования так рано ушедшего из жизни поэта все еще не оценен по достоинству. Аранзон был одним из лидеров своего поэтического поколения, и под влиянием его творчества находился достаточно широкий, учитывая, конечно, особенности развития неофициальной литературы, круг молодых литераторов. И, например, ближайшим другом Л. Аранзона был другой выпускник ЛГПИ, поэт А. Б. Альтшулер, который в 1964 году закончил физический факультет. Альтшулер неоднократно упоминается в стихах Аранзона. К кругу его близких знакомых относится и другой поэт — выпускник факультета русского языка и литературы той поры Л. Г. Ентин. В середине 60-х годов он примыкал к поэтическому объединению, члены которого нарекли себя «хеленуктами» и стремились в своем творчестве и бытовом поведении продолжить традицию обэриутов. В 1977 году Ентин был арестован и осужден на один год по сфабрикованному делу за связь с московскими диссидентами Ю. Галансковым и А. Гинзбургом. В 1978 году эмигрировал, живет в Париже.

В первой половине 60-х годов на факультете иностранных языков нашего института учился и такой значимый для ленинградского андеграунда того времени персонаж, как Юрий Галецкий (Ю. В. Ушаков). Галецкий относился к числу наиболее заметных фигур писателей и поэтов так называемого «круга Малой Садовой». В начале 60-х в небольшом закутке отдела «Кулинария» на Малой Садовой был установлен кофеварочный аппарат, который в позднее советское время воспринимался как часть почти недоступной западной культуры. Вскоре «Кулинария», а также близлежащие дворы и сквер у Зимнего стадиона — «собачий садик» — стали излюбленным местом встреч молодых художников и поэтов, неформальным культурным центром. «Кулинария» на Малой Садовой была предшественницей знаменитого позднее «Сайгона» на углу Невского и Владимирского проспектов. Непризнанные официальной культурой поэты и писатели, завсегда этих мест, и получили позднее общее наименование «круга Малой Садовой». Исповедуемые ими творческие методы могли быть весьма различны, но Малая Садовая связывала их, если не дружескими узами или товариществом, то хотя бы знакомством. Здесь, в среде Малой Садовой, осенью 1966 года возникла и уже упоминавшаяся группа «хеленуктов». Того

же Галецкого дружба связывала и с другими бывшими герценовцами — Аранзоном и Ентиным. Как утверждают составители литературной энциклопедии «Самиздат Ленинграда», в творчестве Галецкого «можно уловить переход от романтизма, созвучного петербургской мистической традиции, к постмодернизму российского варианта, в основе которого — ирония, гротеск, алогизм, изощренная игра культурных ассоциаций. В поэме «Фуга города» образ Петербурга предстает как «прекрасный бред поэзий, алкоголическая сладкая купель, благоденствий балаган»³⁰.

Еще одним крупным поэтом ленинградского андеграунда, начавшим активную литературную деятельность в 60-е годы, учившимся в ЛГПИ и бывшим завсегдаем Малой Садовой, был М. Ф. Еремин. Он печатался в самиздатовском журнале «Синтаксис» и издававшихся за рубежом «Гранях». По мнению литературных критиков, М. Ф. Еремин был одним из самых крупных талантов ленинградского поэтического сам- и тамиздата. По словам критика М. Айзенберга, «слово у Еремина всегда метонимия, но особая смысловая метонимия: часть смысла данного вместо целого. Его стихи можно представить как логическую последовательность разных текстов, от каждого из которых в конечном счете осталось только часть предложения, а то и одно ключевое слово...»³¹. В 70–80-х годах Еремин активно работал для театра как драматург, в 90-е годы опубликовал несколько поэтических сборников. В 1998 году он стал лауреатом премии Андрея Белого³².

Если говорить о писателях более позднего поколения, учившихся в ЛГПИ, которые начинали свою деятельность в самиздате, но сделали успешную литературную карьеру после того, как исчерпало себя разделение отечественной культуры на официальную и андеграундную, в первую очередь необходимо назвать П. В. Кожевникова. Он учился на художественно-графическом факультете института в 1974–1979 годах, хотя так его и не окончил. Кожевников — участник знаменитого московского альманаха «МетрОполь» (повесть «Мелодии наших дневников: Две тетради»). Писатель и критик О. Волков писал о ней: «Чудесно, что сквозь грязь и распущенность проросли, окрепли и расцвели чистые чувства, подлинная юная любовь: в этом утешение читателю, обескураженному правдивым описанием нравов и нравственности нашей молодежи, о которых мы все знаем и иногда узнаем из печати. Тут — правда жизни, на которую близоруко закрывать глаза»³³. Кожевников много публиковался в самиздате, входил в Клуб-81, созданный подобно знаменитому ленинградскому рок-клубу, под эгидой КГБ для того, чтобы держать под контролем молодую творческую интеллигенцию Ленинграда. На деле в первые годы перестройки Клуб-81 превратился в один из центров консолидации оппозиционных настроений. В конце 80-х годов Кожевников стал одним из самых популярных молодых литераторов. Ему прочили большое будущее. Начиная с этого времени, Кожевников принимает живейшее участие в литературной, общественной и политической жизни, много работает на радио и телевидении. Активно отстаивает позиции православия. Кожевников — член союза писателей России, объединения русских православных писателей и Международного ПЕН-клуба³⁴.

Говоря о писателях, бывших студентах ЛГПИ, которые сегодня активно работают, нельзя обойти вниманием и П. В. Крусанова. Его можно отнести к числу литераторов, наиболее популярных в последние годы. В 1983 году он окончил институт по специальности «География и биология». Начал публиковаться в самиздате, занимался рок-музыкой. В 1990-х годах становится одним из самых читаемых петербургских писателей. В 1999 году стал лауреатом премии года журнала «Октябрь» за ставший бестселлером роман «Укус ангела»³⁵.

Самиздат был достаточно цельным культурным миром, который выработал свои формы публикации произведений неофициальных авторов. Часто издательская самиздатовская деятельность оказывалась даже опаснее писательской, но зато влиятельные подпольные «издатели» во многом определяли вектор развития неофициальной культуры. Если говорить об участии герценовцев в этом процессе, то в первую очередь необходимо отметить Д. Б. Волчека, который в середине 80-х годов учился на факультете русского языка и литературы. Волчек входил в Клуб-81, пробовал себя в поэзии и прозе. С 1985 года и до начала 1990-х годов он издавал «Митин журнал», ставший органом новейших течений неофициальной литературы, пройдя путь от типичного самиздатовского журнала в начале до вполне respectable официального издания в последние годы его существования. Волчек и его «Митин журнал» был в последний период существования ленинградского литературного андеграунда наиболее авторитетным

изданием такого рода. В 1999 году за издательскую деятельность Д. В. Волчек был удостоен литературной премии Андрея Белого. С 1993 года живет за границей (сотрудник радио «Свобода») ³⁶.

Еще одной интересной страницей времен позднего ленинградского самиздата, тесно связанной с историей ЛГПИ, была история альманаха «Топка». Название альманаха, четыре номера которого вышли в 1988–1992 годах, расшифровывалось его составителями как «Творческое объединение Пресловутых Котельных авторов». Их — О. Бешенковскую, Л. Махоткину и А. Давыденкова — объединяло то, что все они работали в котельных ЛГПИ—РГПУ, причем А. Давыденков в конце 60-х — начале 70-х годов учился на факультете русского языка и литературы, уйдя из института с третьего курса. Среди авторов альманаха были и другие бывшие студенты педагогического института. Среди них — Б. Э. Григорин (Гершкович). После окончания заочного отделения факультета русского языка и литературы ЛГПИ в 1980 году он работал в институте оператором газовой котельной. Дебютировал в газете «Советский учитель». Выпускником факультета русского языка и литературы был и А. О. Крыжановский. В 70-е годы он участвовал в подготовке 15-го и 16-го томов Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского, но в 1980 году оставил литературоведение и поступил на работу в котельную ЛГПИ. Альманах строился на игровом начале — к участию в нем допускались только авторы-кочегары, а названия рубрик были связаны с реалиями кочегарского бытия: «Задвижка на вводе» (редакционная статья), «Запальная свеча» (публицистика), «Тайны шамотной горки» (разное). Большинство авторов ранее участвовали в неофициальном литературном движении. По сути дела, «Топка» был последним значительным явлением в неофициальной литературе на рубеже 80–90-х годов. Это была уже, скорее, игра в андеграунд, выход из подполья. Напечатанный на машинке альманах свободно размножался на ксероксе, а 17 апреля 1991 года состоялась его презентация в Доме писателя. Для «настоящего» самиздата это было невозможно. Теперь лишь наличие денег, а не идеологические причины могли помешать публикации литературных произведений. Что, по иронии судьбы, и произошло с «Топкой» — подготовленный к печати в издательстве «Советский писатель» сводный сборник так и не был опубликован. Наступил 1992 год.

Конечно, круг герценовцев, причастных к неофициальной культуре 50–80-х годов, гораздо шире того, что был намечен в этой статье. Даже из представителей литературного андеграунда автор назвал далеко не всех, о которых содержится информация в энциклопедии «Самиздат Ленинграда». А ведь были историки, филологи, философы, экономисты, представители естественных наук, художники, которые высказывали идеи и исповедовали творческие методы, которые выходили за рамки, установленные официальной идеологией. Кто-то из них оставил документальные следы своего инакомыслия, кто-то запомнился коллегам и студентам неординарными высказываниями на лекциях и семинарах, необычной для своего времени манерой поведения. Причем порой в одном и том же человеке могли уживаться качества, благодаря которым попытка классифицировать его как правоверного ортодокса или свободолюбивого либерала будет примитивным упрощением. Вот почему в заключение этой публикации я еще раз хочу призвать всех герценовцев, кому дорога память о лучших людях нашего университета, вспомнить обо всех, достойных памяти: и о тех, о ком мы можем незаслуженно забыть, и о тех, о ком уже сказано и написано. Я верю: нет ничего сильнее коллективной памяти, в которой, может быть, найдется место и для нас.

Примечания

¹ Педагогический университет им. А. И. Герцена: От Императорского Воспитательного дома до Российского государственного педагогического университета. СПб., 1997; Профессора Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена в XX веке: Биографический справочник. 2-е изд. СПб., 2002.

² Петербургская повесть: Главы жизни ректора А. Д. Боборыкина: Воспоминания. Размышления. СПб., 2002.

³ Человек в потоке времени: Профессор Я. С. Билинкис. СПб., 2003.

⁴ Герценовская школа русской диалектологии: Н. П. Гринкова и В. И. Чагишева. СПб., 2004.

⁵ Верность традициям: Художник-педагог М. А. Канеев. СПб., 2005.

⁶ По велению сердца: Министр просвещения Е. И. Афанасенко. СПб., 2006.

- ⁷ Петербургская повесть: Главы жизни проректора Ю. В. Кожухова: Воспоминания. Размышления. СПб., 2006.
- ⁸ «И не прервется связь времен...». СПб., 1999.
- ⁹ Очерки истории кафедры педагогики Герценовского университета. СПб., 2006.
- ¹⁰ *Эткинд Е.* Записки незаговорщика. Барселонская проза. СПб., 1991.
- ¹¹ *Жмаев А. М.* Туда и обратно: Ретроспективный дневник. СПб., 1995.
- ¹² *Коносов М.* Как мы хоронили социалистический реализм; *Сажин В.* Самиздат в ЛГПИ. Газета Vita // Самиздат (По материалам конференции «30 лет независимой печати. 1950–1980 годы». Санкт-Петербург, 25–27 апреля 1992 г.). СПб., 1993.
- ¹³ «И не прервется связь времен...». С. 34.
- ¹⁴ *Бельдыш Г., Дьяконова Т.* Литературные сорняки // Смена. 1956, 30 ноября.
- ¹⁵ *Коносов М.* Как мы хоронили социалистический реализм // Самиздат... С. 40–45.
- ¹⁶ *Жмаев А. М.* Указ. соч. С. 216.
- ¹⁷ См., например, мнение о нем Е. Эткинда в книге «Записки незаговорщика».
- ¹⁸ «И не прервется связь времен...». С. 34–35.
- ¹⁹ Декабристы Страны Советов // Аргументы и факты. 1996. № 43.
- ²⁰ Сегодня — автор более чем 150 работ по истории русской литературы, ответственный редактор четырехтомного собрания сочинений Д. Хармса.
- ²¹ Сегодня — профессор РГПУ им. А. И. Герцена.
- ²² См.: *Сажин В.* Указ. соч.
- ²³ *Жмаев А. М.* Указ. соч. С. 294–295.
- ²⁴ *Бобышев Д.* Я здесь (человекотекст). М., 2003. С. 330.
- ²⁵ *Хейфец М. Р.* Избранное: В 3 т. Харьков, 2000.
- ²⁶ Самиздат Ленинграда. 1950–1980-е: Литературная энциклопедия. М., 2003.
- ²⁷ В. Э. Долинин, Б. И. Иванов, Б. В. Останин, Д. Я. Северюхин.
- ²⁸ *Берг М.* Новая литература и топор // Час пик. № 26, 01.07.1991.
- ²⁹ *Аранзон Л.* Стихотворения. Л., 1990; Избранное. СПб., 1994; Смерть бабочки. М., 1998.
- ³⁰ Самиздат Ленинграда. С. 146.
- ³¹ Там же. С. 192.
- ³² *Еремин М. Ф.* Стихотворения. М., 1991; Стихотворения. М., 1996; Стихотворения. СПб., 1998.
- ³³ Цит. по: Самиздат Ленинграда. С. 214.
- ³⁴ *Крусанов П. В.* Остров. Л., 1991; Не отвергни меня. СПб., 1999; Год людоеда. СПб., 2000.
- ³⁵ Где венку не лечь. М., 1990; Одна танцую. СПб., 1992; Знаки отличия. СПб., 1995; Рунопевец. М., 1997; Отковать траву. СПб., 1999; Укус ангела. СПб., 2000.
- ³⁶ *Волчек Д. Б.* Говорящий тюльпан. СПб., 1992; Полуденный демон. СПб., 1995; Девяносто три! Тверь, 2001.